

И.А. Григорьева

КТО СЕГОДНЯ ЯВЛЯЕТСЯ СУБЪЕКТОМ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ?

I. Grigoryeva

WHO IS THE SUBJECT OF CULTURAL POLICY IN MODERN RUSSIA?

В статье идет речь о том, должно ли государство быть главным субъектом культурной политики. Кто конкурирует с государством в этом поле? Какова роль творцов/авторов и зрителей / слушателей / потребителей культуры? Является ли наше время концом интеллигенции и кто теперь «новый субъект культуры».

The article discusses whether the state should be the main subject of cultural policy or may be not. Who competes with the state in this field? What is the role of creators/authors and spectators/listeners/consumer in the cultural policy? Is our time the time of the end of the intellectuals and who is 'the new cultural subject'.

Ключевые слова: культурная политика, государство, культурные субъекты, творцы и потребители, Россия.

Keywords: cultural policy, state, cultural subject, creators and consumer, Russia.

Отказ от существовавших ранее теоретических подходов и практики взаимодействия политики и культуры, поиск новой модели этого взаимодействия становится все более актуальным. Если раньше исследования политики априори предполагали всеобщую функциональность (в мертоновском смысле слова) действий государства в отношении культуры, то в последние 15–20 лет российское государство фактически ушло из сферы регулирования культуры. В то же время ориентированная на какие-либо формы культурного производства часть населения давно полагается не только на государство, но активно ищет спонсоров в бизнес-среде или пытается создавать коммерчески востребованные продукты. К тому же реформы в политической и экономической сферах хотя

и продолжают довольно интенсивно, но не всегда принимаются значительной частью граждан страны, что выступает существенным барьером на пути их дальнейшего проведения. Это неприятие обусловлено стойкостью культурных традиций, сформированных на протяжении большей части прошлого столетия и ранее и лежащих в основании российского общества.

В структурах массовой идентичности россиян, в отношении к базовым институтам, в стратегиях жизненного поведения, в типах адаптации и других характеристиках, несмотря на прошедшие двадцать лет изменений, во многом воспроизводится все тот же тип личности, ориентированный на внешнюю, т. е. экстермальную локализацию ответственности за себя, свою жизнь, свою работу и т. д. Специалистам известно, что «самый общий (базовый) уровень интернальности-экстернальности задается индивиду характеристиками той культуры, в рамках которой происходит его социализация (ее способами миропонимания, нормативными предписаниями и ценностями). Это глубоко усвоенное представление определяет и его отношение к себе и миру, и почти все наиболее значимые намерения и поступки, и большую часть навыков повседневной жизни (см.: Звоновский, Мацкевич 2009).

В начале 1970-х гг. многие страны приступили к поиску новой государственной культурной политики, руководствуясь идеей демократизации культуры, т. е. децентрализации управления и поиску новых субъектов культурного процесса. Кроме того, в современном обществе в невиданных масштабах возросла роль средств массовой коммуникации и их разнообразие. Мир пока не превратился в «глобальную деревню», как предполагал в 1960-е гг. М. Маклюэн, но проблема расстояния преодолена современными коммуникациями. Это означает как новые возможности доступа к «центральному» культурным объектам и событиям и новое ощущение мира, который словно «сжимается» во времени и в пространстве (так называемая глобальная компрессия), так и новые возможности социального исключения, вытеснения людей и территорий из культурных процессов из-за отсутствия необходимых средств коммуникации. Более того, в новом «пространстве культуры и коммуникаций» теперь рассматриваются процессы, которые в XIX в. казались определяемыми в первую очередь экономикой, а именно стратификационные процессы.

В то же время обнаружилось, что средства массовой коммуникации могут способствовать разбалансированности социально-политической системы. В мировой культуре на фоне риторики международных организаций о равноценности всех культур идут стремительные процессы «макдональдизации», насаждения американской модели культуры и культурных ценностей.

Осознание коммуникации как основы всех форм человеческого бытия связано с работами М.М. Бахтина, диалогическая методология которого стимулировала целый ряд исследований, посвященных специфике и формам диалога культур (Бахтин 1979; 1992). Во-первых, сам дискурс «массовой культуры» изменился. Хотя массам по-прежнему навязывается или предлагается подчиненная, второстепенная роль внутри производства доминирующих форм культурной практики, а популярная культура, как и раньше, рассматривается как культура плебейская, массовизация спроса и решающая роль потребления

и потребителей культуры вынуждает по крайней мере более внимательно их изучить. Во-вторых, уже самое «переименование» масс в «аудиторию» несет на себе печать признания.

Никогда прежде массы не признавались субъектами-соавторами культурных практик, хотя, несомненно, ими являлись. Никогда прежде мнение аудитории не считалось столь важным для культурного процесса, но именно в конце XX в. стало больше невозможно игнорировать ее присутствие. «Молчащее большинство» средневековой культуры находилось в значительном отдалении от дворцов, храмов или монастырей, где под покровительством светской или церковной знати создавались ее памятники. Ярмарочная же или народно-праздничная культура не нуждалась ни в авторстве, ни в патронировании, но поддерживалась традицией и ритуалами (Гуревич 1984). В Новое время традиции индивидуальной поддержки авторов-творцов продолжали существовать очень долго, лишь постепенно сменяясь работой «под заказ», созданием постоянных творческих коллективов, в том числе, поддерживаемых государством. Также постепенно сформировалось представление о «культурной политике».

По своему происхождению, считает П.Г. Щедровицкий, основатель «Школы культурной политики» (создана в 1989 г. в Москве), идея «культурной политики» связана с понятием культуры и процессами масштабной политизации культурных факторов, характерных для конца XIX — начала XX вв. (Щедровицкий 2010). Добавим, что это было время масштабной политизации в веберовском смысле слова, т. е. бюрократизации управления и развития управленческих функций государства (Вебер 1990: 644–706).

Чуть раньше началась методологическая рефлексия, разделившая науки о культуре и науки о природе. В науках о культуре принципиальным было признание способности «объекта» науки к самонаблюдению и выбору, а, следовательно, трансформации под воздействием познания и самопознания. Это лишало объект культуры определенных его свойств, характерных для объекта естественных наук, но добавляло другие, а именно, возможность быть субъектом, оставаясь объектом познания. Если в немецкой социальной философии и социологии это привело к развитию понимающей социологии, в первую очередь, в работах М. Вебера, то в англосаксонской традиции та же методологическая проблема привела к разделению на «науку» и «искусство». Вопросы, где объективное познание возможно, относились к науке, а вопросы другого свойства — к искусству (Риккерт 1998: 44–128; Snow 1959).

В настоящее время социология культурной политики с методологической точки зрения как бы раздваивается. С одной стороны, мы видим признание неоклассиками, и не только ими, культуры как силы, интегрирующей общество и определяющей направление социальной динамики. Эта ясно сформулированная исходная позиция позволяет говорить о «большой теории». С другой, социологический анализ культурной политики с полным основанием можно отнести к «социологии актуальных проблем», в рамках которых рефлексировается настоящее и будущее определенных культурных реалий, в основном, новых, а их сегодня много и они требуют внимательного изучения, причем скорее средствами «микросоциологии».

Давая определение понятию «культурная политика», необходимо опираться на представления о ее целях, субъектах, институтах и ресурсах. Традиционный вопрос о субъекте любой политики сегодня требует новых допущений. Так, в качестве субъектов культурной политики в современных условиях недопустимо рассматривать только государство или его структуры. В какой-то мере сравнимым с государственными возможностями запасом ресурсов регулирования обладают бизнес-структуры, некоторые общественные организации или благотворительные фонды и т. п. Сегодня возникла новая для российской ситуации проблема региональной и муниципальной культурной политики (точнее, политик, не всегда выстроенных по вертикали!), формируются новые отношения культуры и образования, культуры и церкви, официальной культуры государства и множества субкультур, а также культур многочисленных этнических групп.

Необходимость многосубъектного и многоуровневого подхода к регуляции социокультурных процессов отмечена рядом исследователей. Этот подход тесно связан с усложнением и изменением современного общества. Еще К. Маннхейм отмечал, что современное общество имеет дело не с кратковременными трудностями, а с радикальным изменением структуры, сталкивается с явлениями дезинтеграции и должно планировать взаимодействие секторов для сохранения целостности. Д. Фридман развил подход К. Маннхейма к планированию, выделив пять секторов социума и определив их созидательную роль в современном обществе: домашнее хозяйство, рынок, гражданское общество (добровольный сектор), политическая общность и государство. Он отмечал, что на окружающий мир лучше смотреть как на «общественный», в котором сталкиваются и состязаются друг с другом различные институциональные интересы (Добровольное действие / Государственное управление 2001).

Более того, необходимость культурной политики или ситуация политизации культурных отношений возникает лишь в тот момент, когда ее субъекты осознают не только собственные цели и трудности на пути их достижения, но и факт наличия других агентов и программ, которых невозможно напрямую подчинить или устранить с арены деятельности. Вместо иерархических отношений власти и подчинения возникает некое пространство взаимодействия, где иерархия не работает эффективно, а представленные интересы разнородны и могут конфликтовать в отношении целей и ресурсов. То есть политика возникает тогда, когда ни один из действующих в ситуации субъектов / акторов не может реализовать своих целей без учета других и не может подчинить себе других заинтересованных субъектов, превратив тем самым политическую ситуацию в акт прямого, иерархического руководства. Современное усложнение политики, считают многие социологи, связано с демократизацией и развитием массового общества. В демократическом, а не авторитарном государстве, утверждает известный французский социолог П. Бурдьё, «политика конституируется двумя типами отношений: отношениями представительства и отношениями конкуренции представителей (по определенным правилам) за распределение совокупного общественного ресурса» (Бурдьё 1993).

По мнению же российских социологов, граждане страны не считают, что те или иные группы должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интере-

сы, а государство как выразитель общего интереса должно, принимая во внимание интересы отдельных личностей и социальных групп, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности. Отметим однако, что в российской модели консенсуса, т. е. согласования интересов, присутствуют две весьма проблематичные «сущности». Во-первых, это само понимание общего интереса и в каких приоритетах он выражается. Результаты опросов Независимого института социальных и национальных проблем показывают, что россияне в большинстве своем на протяжении 1990-х гг. приоритетным направлением деятельности государства считали содействие развитию науки и наукоемких технологий. Конечно, это можно объяснить устойчивым технократизмом индустриальной эпохи и преобладанием традиционалистского сознания. При этом культурная политика или какие-то направления развития культуры даже не назывались. Во-вторых, благо народа как единой общности, при всей спорности того, насколько она едина, как раз и требует для своего единения культурных символов, культурной политики как приоритета развития страны. Получается, что для объединения фрагментированного современного социума нам нужна культурная политика, но, по мнению населения, она не является приоритетом развития государства.

С точки зрения уровней культурной политики мы также видим новую ситуацию, когда регионы, а в каких-то случаях и муниципальные образования и более самостоятельны, чем прежде, и больше осознают ценность своей этнической или местной самобытности. Сегодня процесс тиражирования известных культурных трендов остается, но приходит осознание ценности культурного самопроявления. Дело не только в том, что есть Лувр, Третьяковка или Большой театр — их можно увидеть по телевизору, но и в том, что любая группа, ощущающая себя как таковая, или нация, или даже отдельный человек получают право на культурное самовыражение. Но это порождает новые управленческо-политические проблемы, конкуренцию регионов за ресурсы государства и бизнеса, за привлечение «икон культуры и стиля» к разработке проектов репрезентации, за ресурсы средств массовой коммуникации, необходимые для репрезентации новых культурных возможностей. Например, П.Г. Щедровицкий рассказывает следующую историю. В 1990 г. в Красноярском крае построили новый музей В.И. Ленина. Наступил 1991 г. Что со всем этим делать? Тамошние музейщики, от полного отчаяния, наверное, придумали красноярскую биеннале — международную, заметьте, — современного искусства. И в середине девяностых годов они за свою деятельность получили приз Совета Европы как лучший европейский музей года.

В последние годы возникло много культурных инициатив на уровне городских сообществ, получило довольно быстрое развитие такое движение, как «Креативный город», в котором участвуют совершенно разные города, осознавшие нужду в культурном обновлении и новых, постиндустриальных моделях развития (Ткаченко 2007; Янсенс 2011). Но конкуренция за общественное внимание и отсутствие автоматического консенсуса между центром и регионами требует разработки новой концептуальной модели государственной культурной политики, учитывающей многообразие регионального российского пространства, не-

равномерность возможностей и динамики их рыночной трансформации и необходимость согласования интересов между субъектами культурного процесса.

Совершенно очевидно, что современное понимание культурной политики ушло очень далеко от привычных «отраслевых» представлений и России нужно «подтягиваться» к современности. Обязательно нужно учитывать, что чрезвычайно велика и быстро выросла за последние годы роль потребителей культуры, т. е. читателей, посетителей, зрителей... С одной стороны, это говорит о массовизации, демократизации общества. Но данную ситуацию можно истолковать и как влекущую за собой упомянутую выше методологическую новацию. Она связана с отказом от жесткого деления на «субъект и объект исследования» в социогуманитарных науках и активностью объекта, в котором «обнаружены» сегодня многие качества субъекта социального действия (История и философия науки 2008). Один из адептов данного подхода и основателей новой эпистемологии М. Полани, между прочим, известный специалист по физической химии, писал: «Я показал, что в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности и что эта добавка — не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания. Вокруг этого центрального факта я попытался создать систему согласованных взглядов, которых я искренне придерживаюсь и для которых не вижу никаких приемлемых альтернатив» (Полани 1985).

С другой стороны, с точки зрения критической социологии, также подчеркивающей роль личности, т. е. социальных акторов или субъектов, в современном мире их сознание попало под контроль внешних сил, таких как культурная индустрия. В результате массам не удалось развить критическое отношение к действительности или ее познанию. Напротив, «мистификации», к которым прибегает политическая система, не позволяют социальным акторам проявить какую-либо самостоятельность. Так, по мнению Маркузе, современная технология приводит к появлению новых, более эффективных и даже более «приятных» методов контроля над индивидами. Лучшим примером можно считать использование телевидения с целью социализации и умиротворения населения. Другие примеры представлены массовым спортом и распространенной эксплуатацией темы секса (Marcuse 1964).

С позиции признания важности роли потребителя культуры мы видим, что в культурной политике возникла ранее неизвестная ситуация, когда зрители и слушатели своим предпочтением определенных жанров или событий / мероприятий культуры фактически создают пространство коммуникаций, в котором взаимодействуют идеологические, властные, коммерческие и просто развлекательные интересы разных групп населения, т. е. тех же потребителей. Выбор зрителей влияет на культурную политику и ее создателей, как творцов, так и чиновников, принуждая к определенным решениям. Тем самым зритель, потребитель культурных услуг становится важнейшим субъектом культурного производства. Однако поиск моделей взаимодействия и согласования интересов потребителей и производителей культуры пока еще находится в начальной стадии. Эта ситуация полностью интерпретируется в рамках системного подхода к управлению, в котором подчеркивается важность как прямых, управлен-

ческих, так и обратных связей, т. е. реакции условного объекта на управленческие воздействия. Собственно, увеличение влияния «объекта» на «субъект» управления и должно приводить к демократизации управления или демократизации политики. Активизация обратных связей происходит в силу множества причин, а не благодаря чьим-то решениям о необходимости демократизации. Роль предпочтений и выборов аудитории / публики / потребителей в определенных политических пространствах становится решающей для продолжения их существования.

Подчеркнем, что на этом фоне происходит десакрализация творцов культуры, а значение культурного творчества и возможность получения поддержки творческого процесса ставится в зависимость от потенциального спроса на его продукт. Сам продукт оценивается уже не как артефакт, претендующий на потенциально непреходящую ценность, а как вещь или услуга, обладающие определенными возможностями сбыта, продажи, потребления в повседневной, сегодняшней жизни. Этот процесс, противоположный развитию населения как субъекта культуры, связан с массовизацией культуры.

Если мы связали этот процесс с «десакрализацией творцов», то известные социологи из Левада-центра Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин говорят о «конце интеллигенции» и формировании пассивно-зрелищной культуры: «Сегодня доминирующие в системе культуры концерны или фирмы (равно как и инкорпорированные в них авторы) стремятся работать по шаблонам и критериям системы аудиовизуальных коммуникаций, использовать разнообразные технологии пиара, рекламы, моды, светского скандала и т. п. Соответственно, это предполагает все большее доминирование у публики такой формы домашнего времяпрепровождения, как семейный просмотр телевизионных программ» (Гудков, Дубин 2003).

Если мы находимся в пространстве культурной политики, то обязаны ответить на вопрос, заинтересовано ли общество в таких изменениях, в снижении роли творческой интеллигенции и вообще более или менее самостоятельно ориентированных и способных самостоятельно мыслить и действовать социальных групп. В последние годы мы видим, как необходимость инноваций, о которых говорит центральная власть, не отрицается, но «спускается на тормозах» как «латентными группировками» в структуре самой власти, так и периферийными слоями общества, их рутинными представлениями о себе и других.

Сказывается многолетняя привычка к упрощенным типам социального действия, преимущественно адаптивного и реактивного характера, таким как привычка, терпение, пассивное дистанцирование от фигур и механизмов власти, от проблем социального партнерства. Это именно то, что мы видели по всем каналам ТВ в известном эпизоде 2009 г. «Премьер-министр — жители города Пикалево»: Оставьте нам все, как было раньше, мы привыкли так жить и не хотим что-либо менять! То есть, несмотря на организованное протестное движение, профсоюз и работники предприятия не выдвинули никаких встречных идей преобразования ситуации, перепрофилирования, обучения или занятости. Более того, существовала и до сих пор существует возможность трудоустройства на запущенном весной 2011 г. Вагоностроительном заводе

в Тихвине, в получасе езды на автобусе (естественно, за счет предприятия) с сохранением привычного места жительства и т. п. Но среди жителей Пикалево желающих не оказалось, поэтому в Тихвине будут работать и жить люди из Тольятти, Череповца. Набережных челнов (Как переехать... 2010).

Массовость потенциально подобных ситуаций и ожиданий требует активной культурной политики, в том числе «окультуривания» программ средств массовой коммуникации. Но в современной России о целе- и ценностно-ориентированной культурной политике скорее можно говорить как о возможной и предлагаемой, чем как об институционально-реализуемой деятельности. Можно в данном случае говорить о дефиците институтов или дефиците институциональных механизмов поддержки социокультурного развития. А потому в первую очередь стоит думать об условиях закрепления культурной политики в институциональную ткань общества, о формировании такого спроса на нее, в котором было бы заинтересовано государство и общество. Не раз отмечено, что применительно к культуре модернизационные проблемы связаны с расхождением между значительным объемом накопившихся культурных изменений и неадекватным уровнем институционального развития. В частности, это привычка в решении всех вопросов опираться исключительно на государственную помощь. Подчеркнем еще раз, что в современных условиях необходимо уйти от закрепления только за государством ответственности за развитие культуры.

Проблемой является то, что у культурного действия шаг гораздо длиннее, чем у действия индустриального, у населения должна появиться привычка к определенному стилю жизни. В работах М. Фуко и российского философа Б. Маркова (Марков 1997) показано, как долго и с какими потерями шло формирование городского пролетариата, т. е. основной массы занятых, в индустриальную эпоху. Привычка к ориентации на часы, на равномерную температуру заданного графика работы, а не на солнце и время года, как в крестьянской культуре, давалась очень трудно. А смена стиля жизни как системы ценностей и символов — это серьезный перелом. А в сегодняшних условиях от российского населения, которое только что перебралось в города и было включено в индустриальную культуру в течение жизни одного-двух поколений, снова предъявляется требование сменить стиль жизни и стиль занятости, самостоятельно определять свои желания и возможности и самостоятельно находить ресурсы для их реализации. Время гарантированной государством занятости ушло в прошлое, как ушла и возможность не думать о том, где работать и чем заниматься. Но ростки новой культуры занятости и новых занятий прорастают неравномерно, во многих случаях в направлениях не культурных подъемов и подвигов, а массовой криминализации и аномии. И новый субъект культурного саморазвития и развития общества формируется очень медленно.

Литература

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979.
Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1992.
Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

Григорьева И.А. Кто сегодня является субъектом культурной политики в России?

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. С. 644–706.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Разложение институтов позднесоветской и постсоветской культуры // Отечественные записки. 2003. № 4.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

Добровольное действие / Государственное управление. Словарь-справочник / Пер. с англ. под ред. Волчковой Л.Т., Кузнецовой Л.Б. и др. СПб.: Петрополис, 2001. С. 179–192.

Звоновский В.Б., Мацкевич М.Г. Локализация ответственности как фактор социального поведения // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 45–57.

История и философия науки / Под ред. А.С. Мамзина. СПб.: Питер, 2008.

Как пережить в Тихвине из Тольятти // Комсомольская правда. 24.02.2010.

Креативный кластер — решение для центра Санкт-Петербурга // РБК daily. 2010. 14 мая.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Семиосфера. СПб., 2000. С. 12–149.

Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Лань, 1997.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 44–128.

Россия на рубеже веков / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: РНИСиНП, 2000.

Ткаченко Т. Новосибирск — креативный город: мы приближаемся к мечте? // Большой Новосибирск. 2007. 20 апреля.

Щедровицкий П.Г. Культурная политика: предпосылки перемен. [<http://www.shkr.ru/lib/archive>]. Дата обращения 07.06.2010.

Янсенс Ф. Промзона 2.0: новая жизнь индустриального прошлого и т.д. [<http://www.sostav.ru/articles/2009/11/13/ko1>]. Дата обращения 10.06.2011.

Marcuse H. One-dimensional man. L., 1964.

Snow C.P. The Two Cultures. L., 1959.